

НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК: ПРЕОДОЛЕНИЕ СТАРОГО ИЛИ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ?

© 2019 г. В. Барановский

*БАРАНОВСКИЙ Владимир Георгиевич, академик РАН, доктор исторических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (vladimir.baranovskiy@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 28.02.2019.

Ставится под вопрос тезис о кризисе (крахе) современного миропорядка, ставший важным элементом международно-политического дискурса. Вызовы, аналогичные возникающим в последние годы, имели место и раньше – вопрос в том, какие из них создают опасные новые напряженности и насколько можно их абсорбировать в рамках существующей международной системы. Борьба за место в иерархии полицентричного миропорядка будет идти по возрастающей. Но в отношении международной институциональной структуры реалистическая перспектива – не ее радикальная трансформация, а упрочение существующих механизмов (хотя и с возможными коррективами). В перераспределении удельного веса различных центров влияния на мировой арене наиболее существенные (хотя и разновекторные) изменения касаются возможностей Китая, США, Запада в целом, Индии, России, а также ряда государств регионального уровня. “Ранжирование” в международных делах носит калейдоскопический характер, создавая потенциал неустойчивости мировой системы, но вместе с тем придавая ей дополнительную гибкость. Наряду с размежеваниями по линиям США–Китай и Россия–Запад главная системная интрига формируется по взаимоотношениям “центр–периферия”. Новые акценты возникают на пересечении императивов международно-системного и национально-государственного уровня (вмешательство во внутренние дела, глобальные проблемы, приоритет суверенного партикуляризма) и в трактовке ряда важнейших традиционных для международного взаимодействия тем (безопасность, применение силы, статус территорий).

Ключевые слова: миропорядок, международная система, биполярность, полицентризм, баланс сил, международная иерархия, разделительные линии на мировой арене, международные институты, международные акторы (действующие лица).

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23

Сегодня в оценках современной международно-политической обстановки преобладают драматические мотивы. Картину зачастую рисуют поистине апокалиптическую: мир вступает в новую эпоху, главными особенностями которой становятся доминирование наступательного национализма, отказ от формальных и неформальных императивов поведения на международной арене, эрозия сдерживающих факторов, опасное балансирование, усиливающаяся неопределенность, всеобщий отказ от игры по правилам и как результат – повышенные риски и непредсказуемости.

В настоящей статье все указанные опасности принимаются во внимание, однако не рассматриваются как нечто имманентно присущее современной международной системе и тем более обрекающее ее на неизбежный крах. В ней действительно формируются некие новые параметры – но важно посмотреть, во-первых, на их содержательную сторону, и, во-вторых, на их последствия для развития на мировой арене, для поведения участников международной жизни, для состояния их взаимоотношений. Возможно, международная система действительно требует замены – хотя это еще надо обосновать и составить соответствующую сме-

ту. Однако не исключено, что необходимо совсем иное: выяснить, в чем именно ее уязвимость перед лицом возникающих проблем и как повысить ее резистентность, устойчивость, способность к их решению. Далеко не всегда имеет смысл сводить все к полному обрушению того, что есть, и его тотальному замещению чем-то не существовавшим ранее.

БРИТВА ОККАМЫ: НЕ МНОЖИТЬ СУЩЕЕ БЕЗ НЕОБХОДИМОСТИ

Для ежегодной Мюнхенской конференции по безопасности обычно готовится доклад с анализом крупнейших международно-политических вызовов, с которыми сталкивается мир. В этом году на первых же страницах нового доклада четко сформулирована следующая мысль: сегодня надо иметь в виду не просто вызовы или даже череду кризисов – вполне возможно, что мы являемся свидетелями разрушения существующего миропорядка [1, р. 6].

В аналитическом дискурсе эта тема обозначалась уже два-три года назад [2]. Но теперь за нее всерьез взялись политические гранды. В упомя-

нотом докладе приводятся слова Ангелы Меркель, которая после избрания в четвертый раз канцлером Германии и особенно в свете объявленного решения о предстоящем уходе со своего поста воспринимается как гуру европейской политики: “Хорошо нам известные и проверенные рамки [международного] порядка находятся сейчас под сильным давлением” [3]. Еще более драматическими красками обрисовал положение дел ее министр иностранных дел Хайко Маас: “Мировой порядок, который мы когда-то знали, к которому приспособились и в котором даже временами чувствовали себя комфортно – этот мировой порядок больше не существует” [4]. Нередко высказывается мысль, что даже если приложить усилия к исправлению ситуации, восстановить *status quo ante* будет чрезвычайно трудно. По словам французского президента Эммануэля Макрона, речь идет не просто об “интерлюдии” в историческом процессе – поскольку “мы сейчас переживаем кризис эффективности и принципов современного мирового порядка, который будет невозможно вернуть на проложенную траекторию или наладить так, чтобы он функционировал, как прежде” [5].

Представления о разрушении прежнего миропорядка в последнее время становятся доминантой и в отечественном политическом дискурсе, сфокусированном на международной проблематике (включая публицистику и даже научные исследования). Правда, акцент здесь зачастую оказывается принципиально иным. Логика рассуждений носит примерно такой характер.

Новая международная система рождается после крупных военных потрясений в результате договоренностей между главными действующими лицами, которые могут претендовать в ней на весомую роль. Так было после эпохи наполеоновских войн, после Первой мировой войны, после Второй мировой войны. А вот по завершении холодной войны такую черту под старым порядком не подвели. Новый же формировался прагматично, но не концептуально – через разрешение конкретных проблем на основе *ad hoc*, но без какого-либо общего плана, без достижения консенсуса, без соблюдения взаимоприемлемого баланса интересов. По этой причине он не мог стать надежной и устойчивой основой того способа организации международной жизни, который был реализован на практике. В нем сохраняются некоторые элементы Ялтинско-Потсдамской системы, но все очевиднее становится их несоответствие новой реальности, которая все больше вступает с ними в противоречие.

Поэтому то, что происходит сейчас в международных делах, надо рассматривать как стимул для реализации отложенного запроса с временным гэпом примерно в четверть века. Давно пора

договориться о новых параметрах формирования международного пространства, новых правилах поведения в нем, новых механизмах определения взаимной ответственности и взаимных возможностей. Снять несправедливости первоначального периода после окончания холодной войны, когда некоторые страны, в силу сложившегося положения вещей, оказались отстраненными от разработки/корректировки проекта европейской (и международной) архитектуры. Зафиксировать законные интересы стран, обусловленные историей, культурой, географией, экономическими мотивами, императивами безопасности¹.

Несмотря на вариативность логики рассуждений о кризисе миропорядка [7; 8], оснований для драматических оценок на этот счет, казалось бы, более чем достаточно. При взгляде из Москвы, конечно же, первое, что возникает перед глазами – это обвал отношений между Россией и Западом, вектор которых удивительно быстро изменился на 180 градусов. На смену недавним взаимным позитивным ожиданиям пришли недоверие и раздражение, на глазах рассыпается контроль над вооружениями, возобновилось геополитическое соперничество. На Западе считают, что Россия перешла в контрнаступление, символом которого стала ее активность по широкому внешнеполитическому периметру (Южная Осетия, Крым, Донбасс, Сирия). В российском информационно-политическом пространстве доминируют рулады о попытках Запада помешать нашему “вставанию с колен”, об извечном стремлении задвинуть страну на периферию международно-политической системы, а то и вообще стереть ее с лица земли.

Правда, уже на этом этапе размышлений возникает ощущение своего рода *déjà vu*: мы с такого рода ситуациями встречались не раз, причем не в очень отдаленные по историческим меркам времена. Был Берлинский кризис, был Карибский кризис, были политически мотивированные ограничения по торгово-экономическим связям (“Коком”), были примеры бойкотирования спортивных мероприятий (олимпиады в Москве и Лос-Анджелесе). А уж о гонке вооружений и говорить не приходится. То же самое можно сказать о геополитическом соперничестве в различных районах мира: Вьетнам, Ангола, Афганистан (если ограничиться далеко не полным списком) – плюс постоянный потенциал взрывоопасного развития событий на Ближнем Востоке, где в 1973 г. дело дошло до настоящего, а не пропагандистского балансирования на грани “большой

¹ «Россия, – считает Ф.А. Лукьянов, – не признавала незыблемыми реалии, возникшие после распада СССР; ... [она] так никогда в полной мере и не согласилась с существованием “нового мирового порядка”, который Запад считал само собой разумеющимся, хотя до середины 2000-х годов мирилась с ним как с данностью» [6, с. 74].

войны” двух сверхдержав с приведением в состояние повышенной боеготовности ядерных сил.

Конечно, на треке Восток–Запад (Россия–Запад) сегодня возникли серьезные опасности. Серьезные – да, но вряд ли есть основания считать это чем-то новым. Разве что в сравнении с практикой (а еще больше надеждами) недавнего прошлого. Хотя это скорее не новое, а хорошо (или не слишком хорошо) забытое старое.

Здесь, возможно, стоит вспомнить спор о том, уместно или неуместно характеризовать обостренные отношения между Россией и Западом как новую холодную войну [9]. Дискуссии на этот счет, строго говоря, носят сугубо терминологический характер – все зависит от того, какое содержание вкладывается в понятие “холодная война”.

Если речь идет о существовавшей более 40 лет специфической форме взаимоотношений между СССР и его сателлитами, с одной стороны, и государствами Запада (прежде всего США и другими участниками НАТО), с другой, то параллели с сегодняшним днем возможны, но серьезных оснований отождествлять первое и второе нет. Слишком велики различия в характере противостояния сторон буквально по всем его параметрам, от идеологии и политической системы до военной компоненты.

А если видеть в холодной войне широкое, но все-таки не всеобъемлющее противостояние сторон (то есть не доходящее до уровня военного столкновения) – то таких ситуаций в истории международных отношений можно обнаружить великое множество. Когда между государствами возникает и сохраняется (иногда годами и десятилетиями) острая, многоплановая конфронтация – но при этом конфликтующие стороны не хотят ее перерастания в настоящую (“горячую”) войну. Словосочетание “холодная война” не употреблялось, но суть была именно в этом: масштабное противоборство (временами на грани войны) без перехода к военным действиям. Опыт прошлого, к стати говоря, полезно иметь в виду не только для уточнения терминологии. Он еще свидетельствует и о том, что выходить из такого клинча, призывая к формированию новой международно-политической системы, удастся далеко не всегда. Более продуктивными могут оказаться осторожная минимизация угрозы неконтролируемой эскалации и затем постепенное снижение конфликтного потенциала и напряженности.

Но пойдем дальше по перечню факторов, побуждающих размышлять о том, что “старый мир” исчезает или должен исчезнуть. Ведь совсем недавно многие из них, как казалось, вообще отсутствовали или представлялись достаточно маргинальными. Сегодня они вроде бы образуют некую

новую реальность. Но вот вопрос: насколько она замещает или перечеркивает старую?

Усиливающийся Китай: конечно, это величина огромного масштаба. К каким региональным и глобальным последствиям приведет развитие данного тренда мировую экономику и систему политических взаимоотношений – вопрос вопросов. Но ведь возник он не сегодня и не вчера. Еще в 1960-е годы исходящие из Пекина импульсы осязаемым образом затронули два из трех компонентов международно-политической системы того времени – “мир социализма” и Третий мир. А в 1970-е годы Китай вносит коррективы в ее биполярную структуру и встает на тот путь, который сегодня приводит его к превращению в один из трех (а может быть, двух) главных центров влияния в современном мире.

“Арабская весна” (а в более широком плане – “мусульманское пробуждение”) – еще одно цунами, которое пронеслось над огромным территориальным ареалом, включающим в себя ряд ключевых для современной международной системы стран и регионов. Вопрос о том, каков будет долговременный эффект данного феномена, остается открытым; однозначного ответа на него пока нет. Предположения, что на этой почве могут возникнуть какие-то совершенно новые тенденции в международной среде, совершенно правомерны. Но не менее правомерны были бы аналогичные предположения в отношении иных явлений, схожих по масштабу, размаху, глубине – с каковыми международная система сталкивалась не раз.

Например, в 1960-е годы появились десятки новых государств, освободившихся от колониальной зависимости. Это, конечно же, имело свои последствия для международно-политической системы, но не стало основанием для того, чтобы счесть ее устаревшей и нуждающейся в замене. Сегодня же, если вернуться к примеру арабских/мусульманских стран, в некоторых из них мощный всплеск социальной активности и политических преобразований был более или менее успешно поглощен реформаторскими новациями, а перспективы “выброса” в международную среду в конечном счете купированы. Так что нет ясности, исчерпала ли “старая” международная система свои возможности на данном направлении – и будет ли “новая” (какая новая?) более успешной?

Брекзит: многие “евроскептики” сочли, что он ставит под сомнение перспективы интеграции в рамках Европейского союза и роль последнего в международной системе. Пару лет назад то же самое говорили о внезапно обнаружившейся неспособности ЕС справиться с проблемой миграции. Есть еще одна уныло повторяемая годами мантра: интеграционное сообщество слишком многое зам-

кнуло на себя, Брюссель превратился в диктатора, под бременем которого изнывают страны-члены. Отсюда вывод о новой международной системе, перекрывающей эксцессы интеграции и вообще отправляющей ее в архив — то ли потребность в такой системе становится все более настоятельной, то ли она уже шествует победным маршем по континенту (Конституция для Европы провалилась, англичане дезертируют и т.д.).

Не будем здесь спорить с этими суждениями. Отметим лишь очевидное: Европейский союз за его более чем полувековую историю отпевали много раз, но он по-прежнему остается самым успешным международно-политическим проектом, унаследованным от XX века. Да, ЕС все время сталкивается с проблемами, часто решает их с трудом, иногда более, иногда менее успешно. Но решает на путях постепенного усиления, а не размывания интеграции. И не отказываясь при этом от “старого” ради неясного “нового”. Тот же упоминавшийся в начале статьи Эммануэль Макрон для повышения своего политического рейтинга явно стремится оседлать интеграционную проблематику, а не отмахнуться от нее как ненужного обременения.

Мы можем продолжить перечисление все новых и новых аргументов, выдвигаемых в защиту тезиса о необходимости формирования новой международной системы (или о том, что она вот-вот возникнет — а может быть, уже возникла). Такая система, как *deus ex machina*, призвана чудодейственным образом решить все проблемы, снять все возникающие в международных делах вопросы.

Например: какой внешнеполитической линии в международных делах можно ожидать от Вашингтона (в диапазоне от изоляционизма и унилатерализма до гегемонизма и принуждения к партнерству), учитывая внутривнутриполитические пертурбации в США? Кто сможет претендовать на роль новых центров влияния, каковы будут их возможности? По каким параметрам будет выстраиваться иерархия в международной системе? Какими императивами (влияние, утилитарные соображения, политико-идеологическая эмпатия, идентичность, приоритет национальных интересов, солидаристские мотивы и т.п.) будут руководствоваться участники международной жизни?

И так далее. В каждом случае мы обнаруживаем вопросы, которые могут быть специфичными по своей конкретике, но однотипными в плане создания вызовов для любой международно-политической системы. Та, которая существует сегодня, может оказаться для этого плохо приспособленной — и тогда в ней будет происходить накопление кризисного потенциала. Но она же может быть сориентирована участниками на то, чтобы реагировать на эти вызовы с той или иной мерой эффек-

тивности — например, через модернизацию своих механизмов, их корректировку, адаптацию.

Речь, в сущности, идет о том, что нет большой необходимости в размышлениях и тем более спорах о том, возник ли уже сейчас или возникнет в обозримом будущем новый миропорядок. При желании можно эту гипотезу принять и даже придумать для нового миропорядка название (как Джордж Оруэлл придумал упоминавшийся выше термин “холодная война”). Но важнее, как нам кажется, другое: просканировать существующую международно-политическую систему на предмет выявления происходящих в ней содержательных изменений и их вероятных последствий, чтобы лучше понять реальности сегодняшнего дня и приготовиться к тем, с которыми мы столкнемся завтра.

В ДИАПАЗОНЕ ОТ ХАОСА ДО МНОГОПОЛЯРНОСТИ

(i) В дискуссиях по этой теме [10] наиболее популярны, пожалуй, рассуждения об усилении хаоса на мировой арене. А ведь до недавнего времени какой-никакой порядок в международно-политической системе существовал. Можно спорить о том, хорош он был или плох, но из него все-таки возникал некоторый алгоритм поведения государства в международных делах. Государство знало, что есть определенные лимиты (формально установленные или молчаливо признаваемые), за которые не стоит выходить. А если и выходить — то серьезно взвесив не только возможные выигрыши, но и потенциальные риски (равно как свою готовность заплатить за них).

Сегодня же, согласно излагаемой логике, система становится все более дезорганизованной и неупорядоченной. В ней начинает господствовать модель “игры без правил”. В своем крайнем выражении эта модель сводится к полному произволу в международно-политическом поведении, с готовностью и возможностью использования любых средств (включая силовые и военные) для достижения своих целей.

Распространенный сегодня алармизм в представлениях о современной международно-политической обстановке и ее будущем во многом отталкивается именно от такого видения. Он, конечно, возникает не на пустом месте. Неупорядоченность в тех или иных сегментах международной системы действительно имеет место (в том числе и с потенциально опасными для России “выбросами”). Конфликтность в отдельных регионах нарастает. Относительно недавно считавшиеся общепризнанными нормы поведения ставятся под вопрос — либо на словах, либо в практических действиях.

Однако рассуждения о снижающейся управляемости международными отношениями стали уже

чем-то тривиальным. Между тем здесь, как представляется, важно соблюдать сбалансированность и взвешенность в оценках. Есть ли основания драматизировать масштабы этого феномена? Он отнюдь не привел к торжеству гоббсовской “войны всех против всех”. Последняя не признается ни как реальность, ни как неизбежность. Даже если исходить из самой критической оценки того, как работают существующие механизмы взаимодействия государств на международной арене, совершенно очевидно, что их тотального обрушения не произошло. Вряд ли можно обнаружить и заинтересованных в такой перспективе. Для подавляющего большинства государств непредсказуемости развития по этой парадигме перевешивают любые возможные выигрыши. Так что вероятность практической полномасштабной реализации такого сценария невелика (если только не выводить все прогнозы из второго начала термодинамики и закона о неизбежном увеличении энтропии Вселенной...).

Не стоит также идеализировать меру управляемости международной системы в “старые добрые времена”. Она ведь по сути своей носила анархический характер даже тогда, когда порядка в ней вроде бы было больше [11]. Вспомним хотя бы относительно недавнюю эпоху достаточно жесткого противостояния по линии Восток–Запад — несмотря на феномен “блоковой дисциплины”, и с одной, и с другой стороны было более чем достаточно примеров девиантного поведения тех, кого считали сателлитами, призванными послушно следовать в фарватере лидеров (США или СССР).

Конечно, сейчас существует насущная необходимость в том, чтобы придать международной системе устойчивость, добиться стабилизации тех ее элементов, которые возникли когда-то как ответ на уже ушедшие в прошлое реалии и оказались неадекватными вызовам сегодняшнего дня. Стоит особо подчеркнуть, что Россия объективно заинтересована в этом не меньше других. Однако было бы самонадеянным и безответственным полагать, что коль скоро существующий миропорядок организован не в полном согласии с нашими интересами и устремлениями, то мы выиграем, ликвидировав его “до основания”. Можем и проиграть.

(ii) Но допустим, что мы все-таки решили исходить из презумпции необходимости противостоять “новому международному беспорядку”. Возникает вопрос: каким образом? Убедительных ответов не то чтобы не так уж много — их просто нет. Впрочем, иногда в качестве привлекательной альтернативы упоминается модель “концерта наций (государств)”. Правомерно ли?

Это полузабытое словосочетание восходит к временам Венского конгресса 1814–1815 гг., который занимался вопросами организации европей-

ского миропорядка после эпохи наполеоновских войн. Суть такого подхода применительно к нашему времени: устойчивость международно-политической системы (как в различных региональных контекстах, так и на глобальном уровне) должна основываться на договоренностях в рамках узкого круга крупнейших держав.

Понятно, что эта модель отражает объективную реальность — весомую роль в международных делах прежде всего крупных, влиятельных, авторитетных стран. В частности, России такая модель с высокой вероятностью гарантировала бы место в круге “избранных”. Но не менее очевиден отчетливо выраженный олигархический характер такого рода механизма. Кто будет определять состав участников “концерта наций”, какими полномочиями он будет наделен, примут ли “рядовые” страны идею отказа от собственной роли в пользу “грандов”?

С другой стороны, то, что крупные державы являются более значимыми игроками на сцене мировой политики — реальность, но никакая не новость. А разве было когда-нибудь иначе? Способы претворения этого правила в жизнь могут быть разными — более формальными, или отталкивающимися от понятия “великие державы”, или основанными на механизмах *Realpolitik* и т.п. Однако взаимодействие “грандов”, как правило, осуществляется на основе *ad hoc*. Причем взаимодействие не всех, а прежде всего непосредственно вовлеченных в соответствующую проблемную ситуацию. И здесь уместной реминисценцией, хотя и применительно к несколько иному контексту, может быть понятие “коалиция желающих” (*coalition of the willing*).

Но если симфонический оркестр на постоянной основе — норма, то представить себе такую же модель “концерта наций” трудно. Проблема еще и в том, что когда эту идею высказывают в максималистской трактовке, в нее часто имплантируют принцип легитимности. Он фактически постулирует необходимость и правомерность поддержания только законных режимов, что и должно быть основой совместного курса крупных держав. Но ведь универсального представления о критериях “законности” или “незаконности” установившегося в тех или иных странах порядка нет, да и опыт “венской системы” на этот счет достаточно противоречив. Молчаливое принятие данного подхода *ad hoc*, наверное, возможно, но вряд ли стоит ожидать, что ведущие международные игроки захотят и смогут договориться между собой о взаимодействии лишь с законными властями в любых возникающих в мире конфликтных ситуациях. Если же в том или ином конкретном случае общее понимание на этот счет имеется — то и “концерт наций” не понадобится.

(iii) К самым популярным экзерсисам на рассматриваемую здесь тему относятся рассуждения

о количестве полюсов в международно-политической системе — применительно к тому, какой она была вчера, предстает перед нами сегодня и может оказаться завтра².

Общим до недавнего времени казалось представление о том, что классическая биполярность, которая ассоциировалась с противостоянием времен холодной войны, осталась в прошлом. Сегодня, правда, — в свете конфронтационного разворота на треке Россия—Запад — этот тезис может быть поставлен под сомнение. Скажем, рассуждениями о том, что преодоление биполярности носило поверхностный характер или оказалось сведенным на нет некооперативным поведением ее главных protagonists. Согласно одной интерпретации, таковое было продемонстрировано Москвой (Крым и пр.), согласно другой — Вашингтоном и его союзниками (расширение НАТО, санкции и т.д.).

После выхода из биполярности 1.0 начинается непродолжительный период виртуального триумфализма модели однополярного мироустройства. В содержательном плане — это система под управлением одной державы, действующей на началах безусловной гегемонии и не считающей нужным принимать во внимание интересы других участников международной жизни. Речь идет прежде всего об ориентире международно-политического развития — он либо провозглашается открыто, либо (чаще) подразумевается как очевидная и даже не особо маскируемая цель. В период первого президентства Дж. Буша мл. свои взаимоотношения с внешним миром США пытались организовать именно на такой основе.

Уже в 1990-е годы выявилась очевидная несостоятельность концепта однополярности, и он оказался явно отодвинутым на задний план в политико-аналитическом дискурсе. Новую жизнь в него вдохнуло избрание на пост президента Д. Трампа. При всем негативизме истеблишмента страны против президента, идея однополярности продолжает циркулировать в рядах экстремистски настроенных сторонников установления американской гегемонии. В своем разоблачительном варианте эта формула остается востребованной и в пропаганде, ориентированной против США. И кстати говоря, рациональность такой линии не очевидна: форсировать пафос “противодействия однополярному миру” означает привлекать неоправданно высокое внимание к этой теме, одновременно нагнетая

явно преувеличиваемые опасения и подпитывая конфронтационную ментальность.

Среди вариаций на тему изменяющейся архитектуры международно-политической системы обращают на себя внимания те, которые предполагают формирование в ней новой биполярности. Биполярность 2.0 может быть реализована в разных вариантах; основными считаются следующие: (i) США vs Китай; (ii) Россия + Китай + антизападные режимы vs Запад во главе с США; (iii) страны “либерального капитализма” vs страны “государственно-монополистического (авторитарного) капитализма”; (iv) “страны *status quo*” vs заинтересованные в изменении международного порядка; (v) “страны золотого миллиарда” vs обездоленная часть человечества.

Из перечисленных выше вариантов новой биполярности в качестве объекта повышенного внимания чаще всего рассматривается первый, который разводит США и Китай по разные стороны баррикады. А его гипотетической антитезой в течение некоторого времени считали международный “дуумвират” в составе указанных двух стран (G2).

Отметим по этому поводу, что экономическая взаимозависимость КНР и США действительно приобретает все более масштабный характер и скорее всего будет удерживать стороны от сползания в активную конфронтацию. Но все же в диалектике соперничества и сотрудничества элементы первого, как представляется, сегодня явно перевешивают. А модель американо-китайского “сердечного согласия” выглядит пока своего рода умозрительной схемой, практически незаметной ни в сфере реальной политики, ни в концептуальных изысканиях. Для России серьезных причин для повышенного беспокойства в связи с таким сценарием развития не просматривается.

Но масштабы и динамику этого тренда, конечно же, необходимо тщательно отслеживать под углом зрения российских интересов. В любом случае есть много оснований полагать, что в складывающейся сегодня международной системе главная ось будет формироваться по линии отношений США—Китай, выстраиваемых в соответствии с лекалами стратегического сотрудничества или стратегического противоборства. Насколько это будет предопределять характер возникающих вокруг них коалиций и размежеваний — вопрос открытый. По опыту предыдущего варианта биполярности мы знаем, что модель ее воспроизведения в масштабах всей международно-политической системы срабатывала далеко не всегда.

Для России некоторые проявления новой биполярности в отдельных ситуациях и на краткосрочную перспективу могут на первый взгляд выглядеть привлекательными. В рамках сегодняшней

² В контексте рассматриваемых в статье вопросов понятия “центр силы”, “полюс влияния” и другие близкие к ним термины и словосочетания рассматриваются как синонимы. При необходимости между ними можно выявить различия, но здесь речь идет только о конвенциональной практике словоупотребления. То же самое касается терминов “многополярность”, “многополюсность” и “полицентричность”; “однополярность” и “однополюсность” и т.п.

международно-политической конъюнктуры это касается прежде всего второго из упомянутых выше вариантов. Если говорить упрощенно, он предполагает совместное позиционирование России, Китая и сочувствующих им стран против притязаний США и их союзников на гегемонию в международных делах. Мотивы для того, чтобы идти по этому пути, очевидны, но должно быть и понимание возможных издержек. Ведь по большому счету вовлечение в новую конфронтацию могло бы иметь для нашей страны такие же социально-экономические и иные последствия, как и холодная война для Советского Союза. В его случае, как мы помним, это стало одним из источников недееспособности страны.

Да и в отношении других возможностей вовлечения в конфронтационную биполярность выигрыши для нашего государства далеко не очевидны. Чтобы выступать в ней в качестве лидера, ему пришлось бы мобилизовать значительные материальные и политические ресурсы в ущерб решению других актуальных для страны задач. А если оставаться в рамках такой модели на вторых ролях, то рациональный смысл ее избрания тем более оказывается под вопросом.

Строго говоря, Россию вообще любые схемы новой биполярности ставят в сложное положение. Например, модель “США vs Китай”, возможно, должна была бы вызывать даже больше настороженности, чем однополярный мир — поскольку чревата более значительными неопределенностями. Не ясно, насколько Россия была бы готова и сумела бы лавировать между двумя полюсами. Сомнительны и резоны для поддержки одного из них против другого.

В принципе гораздо более привлекательной была бы иная опция — оставаться вне рамок эвентуальной биполярности. Стоит заметить, что упоминавшийся выше доклад, подготовленный для Мюнхенской конференции по безопасности, фактически постулирует существование трех главных полюсов силы (центров влияния) в современной международной системе — это США, Китай и Россия. Хотя резоны для такой констатации могут прочитываться по-разному, в том числе и по парадигме конфронтационного взаимодействия (и противодействия) стран с политическими режимами либерального и авторитарного типа.

(iv) Если мы обозначили разные контуры мирового порядка через наличие одного, двух или трех главных центров силы (влияния), то в этой логике отчетливо просматривается общий вектор — в направлении многополярности. Речь идет о долгосрочном тренде, который все более заметно образом прослеживается в реальностях, складывающихся на мировой арене. И проявляется в постепен-

ном расширении круга участников международной жизни, способных оказать на нее влияние, внести свой вклад в динамику международного развития.

Процесс этот небыстрый, но он, строго говоря, обнаруживается еще в недрах биполярного миропорядка. Это происходило по мере размывания сплоченности каждого из противостоявших друг другу глобальных блоков (“Восток” и “Запад”), а также выпадения из дихотомической конфронтации некоторых изначально участвовавших в ней государств (например, бывшей Югославии и КНР).

Фундаментальная тенденция международного полицентризма развивается как антитеза и однополярности, которая оказалась несостоятельной, и биполярности — ушедшей в прошлое, но пытающейся возродиться в новом облике и с изменившимся составом участников. Хотя одновременно — в симбиозе с элементами того миропорядка, который формируется по другим лекалам [12]. И это — принципиально новое качество, если пытаться обнаружить таковое в складывающейся международно-политической системе.

Главная проблема полицентричного миропорядка — в организации его функционирования. Обеспечение эффективного международного управления и минимизация возможных издержек — добиться этого на началах полицентризма гораздо труднее, чем в рамках тех моделей, о которых шла речь выше. Ведь полицентризм отнюдь не гарантирует гармонию на мировой арене. Полицентричная система международных отношений иерархична, и со временем придется во все большей мере учитывать это обстоятельство, обеспечивая ее устойчивость. Непростая задача, поскольку борьба за место в иерархии будет идти по нарастающей во всех областях — экономической, научно-технологической, культурно-идеологической, военно-политической.

(v) Но вместе с тем не надо считать неподъемной задачу наведения порядка в полицентричном мире. Стоит посмотреть на то, что мы имеем в международной системе сегодня.

Ключевым звеном ее институционального компонента остается — и будет оставаться — Организация Объединенных Наций. Под эгидой ООН созданы и функционируют большое количество разнообразных форматов многостороннего взаимодействия государств на международной арене. Еще более многомерный характер придают ему вне-ооновские структуры — как общеполитического плана (*G7*, *G20*), так и имеющие функциональную ориентацию.

Исключительно важен региональный уровень институциональной организации международной жизни. Здесь и несколько десятков крупных

межгосударственных структур (таких как НАТО, ОБСЕ, ОДКБ), и образования интеграционного (или протоинтеграционного) типа, и относительно новое явление – мегаблоки (некоторые пока еще скорее как потенциальные компоненты международной системы).

Наконец, все более ощутимым становится присутствие в международной среде негосударственных акторов. Они пока еще далеко не замещают государство как главное действующее лицо на мировой арене, но распространяют свое участие на все более широкий круг разворачивающихся на ней событий.

Так что правомерно говорить не об отсутствии порядка в международной жизни, а об ее сложной институциональной структуризации, в которой заложен потенциал и для нахождения баланса интересов, и для приведения к общему знаменателю разных подходов, и для восприятия новых вызовов и реагирования на них. Между тем очень многим аналитикам и политикам трудно удержаться от соблазна высказать на этот счет самые серьезные претензии. Но критика парадоксальным образом сочетается с отсутствием сколько-нибудь убедительных идей на предмет обновления существующей системы – идей, не просто вдохновляемых благими пожеланиями, а имеющих реалистические шансы на воплощение в жизнь.

Поэтому рискнем высказать тезис, прямо противоположный тому, что считается мейнстримом в современном дискурсе: нет никаких оснований ожидать кардинальной перестройки структур международного взаимодействия. Реалистическая перспектива – не радикальная трансформация международной системы, а упрочение механизмов, через которые обеспечивается ее функционирование. Хотя и с возможными коррективами.

КОНФИГУРАЦИЯ СИСТЕМЫ: ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

В современной международно-политической системе происходит перераспределение удельного веса различных центров влияния, меняется характер их присутствия на мировой арене. Существенные изменения обнаруживаются и в том, что касается способности действующих лиц оказывать воздействие на другие государства и на внешний мир в целом. Немало стран, которые в этом плане традиционно считались обладающими весомым потенциалом, сталкиваются с его постепенным сокращением, хотя в целом и сохраняют ресурс влияния. И наряду с этим заметными становятся некоторые новые игроки из числа успешных государств Азии, Африки и Латинской Америки.

(i) Примечательные изменения наблюдаются в оценке Соединенных Штатов Америки как круп-

нейшей величины в международно-политическом пространстве. Казалось бы, еще совсем недавно культивировался образ США как “единственной оставшейся сверхдержавы” – а сегодня ширится признание их постепенного относительного ослабления. Популярная интерпретация этого феномена соотносит его с началом конца американоцентричного мира [13; 14].

Не затрагивая вопрос о том, насколько обоснован (или не обоснован) такой взгляд и с какой временной перспективой его следует соотносить, отметим необходимость иметь в виду сохранение огромного потенциала Соединенных Штатов в плане воздействия на международную жизнь. Это касается их роли в мировой экономике, финансах, торговле, науке, информатике – она будет оставаться исключительно значимой на достаточно глубокую перспективу. Военные возможности США не имеют себе равных в мире – за единственным исключением примерного паритета с Россией в области стратегических ядерных сил.

Традиционная для Вашингтона полемика между сторонниками изоляционизма и активного вмешательства в международные дела время от времени обостряется и даже выдвигается на первый план. Новые краски в эту картину добавлены президентом Д. Трампом, который объявил о стремлении сократить американское вовлечение во внешне проблемные ситуации, не затрагивающие напрямую американские интересы, что вызвало волну озабоченности со стороны союзников. Вопрос о том, насколько значимым окажется влияние данного фактора на международные отношения в долговременном плане, и будет ли это иметь системные последствия, остается открытым.

(ii) Оценки касательно общего нисходящего тренда, характеризующего международные позиции США, нередко относят и к Западу в целом. В этом иногда видят чуть ли не самое фундаментальное изменение миропорядка за последние пять веков. Но в информационном поле интерпретация данного феномена зачастую оказывается явно преувеличенной касательно его масштабов и возможных последствий.

Надо иметь в виду, что здесь есть еще один фактор, причем даже более важный по своему значению. Ведь одновременно на окружающий мир воздействуют исходящие от Запада разнообразные стандарты и алгоритмы – потребительские, культурные, ментальные, политико-организационные, социально-экономические и т.п. Процесс этот носит весьма противоречивый характер и неоднозначен по восприятию в “незападном” мире. Но в целом он явно идет с ускоряющейся динамикой. Мир, формирующийся за пределами традиционного Запада, может генерировать негативную по отноше-

нию к нему политико-эмоциональную ауру, — но одновременно (и в еще больших масштабах) абсорбирует исходящие от него импульсы. И в этом смысле сам постепенно становится Западом.

(iii) А вот в рамках международной системы все явственнее происходит смещение ее “центра тяжести” в направлении Азии. Именно здесь возникают наиболее острые проблемные ситуации, связанные с формированием очагов терроризма, этноконфессиональными конфликтами, ядерным распространением, территориальными спорами. Но сюда же переключается внимание глобальных экономических акторов, поскольку для них важнейшее значение имеют расширяющиеся рынки, высокая динамика хозяйственного роста, энергетика человеческого капитала. Вектор переориентации российского внешнеполитического внимания на Восток — явление из этого же ряда.

Взаимоотношения крупнейших международных игроков в этом грандиозном геополитическом ареале содержат в себе существенный потенциал неопределенности. Здесь открываются широкие возможности для конструктивного взаимодействия, но еще больше — для соперничества и накопления напряженности. Исключительно важной задачей международно-политической системы будущего станет налаживание здесь кооперативных механизмов как противовеса реально существующей или эвентуальной нестабильности.

(iv) Один из важнейших факторов современной международно-политической динамики обусловлен активизацией России. Своими акциями на Кавказе, в Крыму и в отношении Украины она обозначила сферу своих интересов в рамках постсоветского пространства и нацеленность на то, чтобы действовать там энергично и напористо. Новой (и явно не получившей всеобщего одобрения) чертой российской политики стала готовность не слишком обращать внимание на негативную реакцию других участников международной жизни. Со стороны многих из них это вызвало явное неудовольствие, но самой России придало больше уверенности в собственных силах. А вовлечение в сирийский конфликт стало своего рода кульминацией этой линии: Москва продемонстрировала намерение присутствовать в стратегически важном регионе, но в еще большей мере — свои притязания на то, чтобы входить в число главных действующих лиц мировой политики.

Чтобы разобраться, как и насколько российская новая внешняя политика повлияет на динамику развития международной системы, требуется особый разговор [15]. Здесь же отметим, что Россия парадоксальным образом выступает одновременно в нескольких ипостасях. И как “ревизионистская” держава, поскольку нарушает сложившиеся пра-

вила игры в качестве оппонента американской гегемонии, а также некоторых традиционных норм существующего мирового порядка. И как держава *status quo* — то есть апологет консервативного отношения к устоявшимся реалиям (например, энергично возражая против внешнего вмешательства — хотя и не признавая таковое в своих действиях). И даже как сторонник возрождения некоторых концептов, ушедших в прошлое, — например, “зон влияния”.³

В результате на радарх мировой политики Россия стала гораздо более заметной величиной. Если такова была цель, то она достигнута: в мире должны были принять недвусмысленный *message* касательно того, что с Москвой необходимо считаться. Хотя за это ей пришлось заплатить достаточно высокую цену, к которой относятся и санкции, и репутационные издержки, и конфронтационная спираль с Западом, и неясное будущее стратегически важных отношений с Украиной.

(v) Китай (уже упоминавшийся выше) и Индия — два государства, в отношении которых можно констатировать наиболее заметное изменение присущего им статуса в международно-политической системе. С Китаем это уже произошло, с Индией — назревает в ближайшем будущем. Укрепление их позиций становится все более заметной переменной в формирующихся региональных и глобальных балансах, а на обозримую перспективу вообще нередко экстраполируется по экспоненте.

Есть здесь и немало открытых вопросов. Главные — о том, насколько устойчивыми окажутся оба государства в плане внутренней социально-экономической и политической обстановки, а также о характере проецирования их влияния вовне. Участников международной системы XXI века это поставит перед необходимостью достаточно осторожной и сбалансированной политической линии, — но одновременно станет подталкивать к конкуренции. Такое развитие будет открывать для самих этих восходящих держав и других участников международной жизни дополнительные возможности маневрирования и выстраивания коалиций, — но может оказаться чреватым и всплесками напряженности на почве взаимного соперничества.

(vi) На вхождение в ядро международно-политической системы *de facto* претендуют и некоторые другие государства. Понятно, что это претензии неформального рода, но они по своей значимости могут оказаться даже более весомыми, чем те или иные официальные статусные признаки. Важная новелла последнего времени — расширение круга таких государств за счет тех, которые еще совсем недавно размещались на достаточно большом удалении от центра международной системы.

³ По аналогии с терминами “*revisionist state*” и “*status quo state*” назовем государство с таким типом поведения “*plus quam perfectum state*”.

Сама логика развития международно-политической системы порождает такого рода динамику. Имобилизирующий эффект биполярной конфронтации остался в прошлом, и перед некоторыми региональными игроками раскрылись двери для самостоятельного позиционирования на международной арене — о чем они и задумываться не смели. Долгое время их патронировали (если не сказать контролировали) ведущие мировые державы. Сегодня же у них возникает не только ощущение свободы рук, но и возможность продвигать свою повестку дня. А иногда и претендовать — в региональных масштабах — на лидерство или даже гегемонию.

Результат такого развития событий для международной системы оказывается двойственным. С одной стороны, в ней возникают своего рода “точки роста”, с потенциалом превращения в источник новой региональной динамики. С другой — система приобретает более фрагментированный характер, может оказаться под напряжением конкурирующих между собой трендов.

Примечателен в этом плане пример Турции. Ее активизация на международно-политической арене сочетается с зигзагами по целому ряду направлений взаимоотношений с внешним миром. И здесь же обнаруживается свидетельство того, что ставки в борьбе “грандов” за влияние на новых игроков могут расти — чем последние иногда весьма успешно пользуются.

Вместе с тем (в немалой степени из-за “неукорененности” в глобальном истеблишменте) их политика может казаться спонтанной, дерзкой и даже провокационной. А соперничество друг с другом — приводить к региональным коллизиям и конфронтациям. Примером может служить новая запутанная констелляция на Большом Ближнем Востоке — с калейдоскопическими зигзагами в расстановке сил внутри региона (Иран, Саудовская Аравия, Турция), а также многоплановыми и нередко конфликтующими между собой задачами, которые ставят перед собой и пытаются решать внешние акторы (Россия, США и возглавляемая ими коалиция, в перспективе — Китай). Этот территориальный ареал, с присущей ему расплывчатостью внешних границ и внутренних разломов, имеет все шансы стать полем новой “большой игры” и самой проблемной зоной международно-политической системы XXI века [16].

ВЫЗОВЫ СИСТЕМНОГО УРОВНЯ

(i) Примечательная особенность современной международной системы состоит в постепенном размягчении ее внутренней иерархии. Сегодня мы видим, как она постепенно становится все более

вариативной и многоплановой, оказывается подверженной разного рода флуктуациям. “Ранжирование” в международных делах не определяется по раз и навсегда зафиксированной схеме — как это было бы, допустим, в однополярном мире. Не жесткая система может менять свою конфигурацию и структуру, выстраиваться по-разному в зависимости от многих обстоятельств. На это могут, например, повлиять особенности той конкретной сферы, о которой идет речь; соотношение сил в ней (и в других областях); характер взаимоотношений между вовлеченными государствами; воздействие других приводящих факторов.

Это сам по себе достаточно противоречивый феномен — ведь внутренняя иерархия образует стержень, каркас любого системного образования, и ее эрозия, казалось бы, ставит его под угрозу. “Калейдоскопический” характер иерархии в международных отношениях может быть источником напряжения, создавая потенциал неустойчивости как на глобальном уровне, так и в отдельных региональных сегментах мировой системы. Но это же обстоятельство придает последней дополнительную гибкость, позволяет легче адаптироваться к новым проблемным ситуациям.

Становление более лабильной иерархии совсем не обязательно станет превалирующей характеристикой международной системы. Вряд ли будет идти речь и о необратимом феномене. Здесь, предположительно, ключевым фактором окажутся два обстоятельства — общая структуризация международных отношений, а также рост экономической и политической взаимозависимости.

Конечно, важно не питать и излишних иллюзий. Даже в случае обретения международной системой большей гибкости и вариативности вряд ли есть основания полагать, что проблемных ситуаций и острых коллизий, на которые она должна реагировать, станет меньше. Все те причины, по которым они возникали раньше, будут генерировать их и впредь.

Однако если рассматривать указанную динамику в самом общем плане, можно предположить, что главная интрига станет разворачиваться по двум траекториям. Первая касается становления новой конфигурации и баланса сил на глобальном и региональных уровнях. Вторая — отношений “центр–периферия” по самому широкому их спектру (включая сюда технологии, информацию, ресурсы, финансовые инструменты, человеческий капитал, перемещение людей, безопасность и т.п.). Вызов, который возникает сегодня перед участниками международной жизни, состоит в настройке глобальной сбалансированности системы в сочетании с поддержанием сложной и противоречивой динамики взаимоотношений внутри ее региональных сегментов.

(ii) Никуда не исчезнут и проблемы, обусловленные текущими или возможными в будущем международно-политическими размежеваниями системного уровня. Они уже упоминались выше.

В том, которое идет по линии Россия—Запад, соединяются воедино разные факторы — и свидетельствующие о взаимном неудовлетворении в отношении хода развития после окончания холодной войны, и проистекающие из геополитического соперничества, и связанные с внутривосточной динамикой. Круг вопросов, по которым идет взаимное отторжение сторон, имеет тенденцию к расширению — от продвижения НАТО на восток, соперничества за постсоветское пространство, событий на Украине и до ситуации в Сирии. Кооперативная часть спектра возможных взаимоотношений становится маргинальной и чуть ли не табуированной. Шансы на ее продвижение не исчезли совсем, но их становится все меньше. И нет особых надежд на то, что ситуацию удастся при желании, — когда к тому возникнет политический импульс, — выправить быстро и малыми усилиями. Взаимное доверие теряется легко, а приобретается трудно и долго⁴.

Еще одна разделительная линия на системном уровне обозначилась между Китаем, с одной стороны, и США с их союзниками (прежде всего азиатскими), с другой. Она способна стать даже более значимым маркером, оттеснив перипетии с “российским разворотом” на задний план.

Оба размежевания могут оказаться взаимодополняющими. А при вовлечении ОДКБ / ШОС / БРИКС привести к конституированию экономического и политического противовеса Западу. Вместе с тем заложенную в этом варианте биполярности логику балансируют достаточно мощные экономические и политические императивы. Для ключевых стран ШОС / БРИКС (Россия, Китай, Индия) высока значимость экономического взаимодействия с Западом и получения от него инвестиций и новейших технологий. Неочевидно, что они будут готовы противопоставить этому фактору линию на приоритетное поддержание связей друг с другом. Внутри упомянутых структур также существуют противоречия (Китай—Индия, Индия—Пакистан, между странами Центральной Азии) — иногда более острые, чем между государствами-членами и Западом. Так что при всей привлекательности идеи формирования альтернативной международной системы политически мотивированного жела-

ния бросить вызов “старому истеблишменту” может оказаться для этого недостаточным.

Наконец, упомянем еще один теоретически возможный вариант разлома системного уровня, который мог бы сложиться на почве противодействия исламскому радикализму. Наверное, эта линия, если исходить из неких умозрительных предположений, была бы способна даже вывести на сплочение России, Запада и Китая. Но такая, слишком далеко идущая, гипотеза явно не находит подтверждения на практике. И хотя опасения в связи с угрозой со стороны радикального (экстремистского) исламизма распространены весьма широко, его оппоненты остаются весьма далеко от превращения в настоящих союзников — ни в трехсторонней, ни даже в двусторонней конфигурации.

Вероятно, сказывается и озабоченность тем, чтобы через противостояние радикальным тенденциям в международную систему не были привнесены межцивилизационные (межконфессиональные) коннотации. Последствия могли бы оказать негативное влияние на внутреннюю ситуацию в некоторых странах (прежде всего европейских), а также затронуть внешнеполитическую сферу. В экстремуме — сказаться на всем комплексе отношений между немусульманскими и мусульманскими странами. Особенно учитывая риск, что перед волной популизма может не устоять даже, казалось бы, вполне надежный иммунитет от рискованных слов или действий на этом поле.

(iii) Для уровня международной системы значима еще одна категория вызовов, которыми обусловлено либо ее “углубление” во внутренние дела, либо “возвышение” над преобладающими национально-государственными императивами внешней политики. Обозначим здесь три группы проблем.

Начнем с вопроса о том, как должны соотноситься друг с другом внутренняя проблематика и международные отношения. И снова напомним: дискуссии на этот счет — и концептуальные, и на уровне практической политики — отнюдь не относятся к чему-то новому. Вместе с тем надо признать: сегодня сама эта тематика приобретает весьма острую артикуляцию. Особенно серьезными оказываются коллизии вокруг суверенитета и “цветных революций”.

На одном полюсе здесь минималистский и даже запретительный подход к внешнему вмешательству во внутренние дела государств, поскольку оно может быть выражением агрессивных поползновений некоторых участников международной жизни, их стремления к доминированию. На другом — тезис о растущем влиянии процессов, имеющих транснациональный характер, о глубочайшей (и усиливающейся) связи проблемных ситуаций внутри

⁴ “Доверие между Россией и странами НАТО утрачено полностью, — констатирует недавний совместный доклад РСМД и ELN. Хотя и формулирует на этой основе мобилизующую рекомендацию: [...] задуматься о том, каким образом можно придать большую стабильность существующим отношениям взаимного сдерживания” [17, с. 6].

страны с внешним миром и о принципиальной невозможности отгородиться от него глухой стеной.

На этой почве могут вестись полемические баталии — иногда полезные, а иногда не очень плодотворные (как если бы сегодня с пафосом обсуждали, почему нельзя создать вечный двигатель и как его все-таки создать). Но могут возникать и реальные (а нередко и кровавые) конфликты.

Не надо устанавливать новый мировой порядок, чтобы определить пути купирования такого рода коллизий. Направление, на котором возможно решение, давно обозначено — это принятие государством на себя некоторых обязательств касательно соответствия своего внутреннего развития определенным критериям. И критерии, и обязательства по их соблюдению могут иметь формальный характер, но гораздо важнее, чтобы они составляли своего рода “кодекс поведения”, признаваемый *de facto*.

Возможно, со временем это будет становиться все более распространенной практикой — в рамках развития международной системы по либеральному алгоритму. Однако сейчас в некоторых ее сегментах движение по данному пути явно застопорилось (или вообще пошло в обратном направлении). И судя по многим признакам, эта динамика надолго определит характер развития международной системы.

Но даже при следующей смене вектора эволюция по указанному направлению будет очень медленной. А вот вероятность дополнительной конфликтности на этой почве гораздо выше. Современная жизнь изобилует соответствующими примерами, — когда, например, внешние контр-агенты охваченной волнениями страны трактуют происходящие в ней события с прямо противоположных позиций (как в случае с Украиной и Сирией) или когда не удается прийти к согласию о мерах, которые может и должно принять международное сообщество (как в случае с Ливией).

Таким образом, в современных условиях “углубление” во внутреннюю проблематику с уровня международно-политической системы может иметь конфликтногенный характер. И отсюда второй вопрос: можно ли считать, что эффективной антитезой становится ее “возвышение” до уровня общих вызовов и глобальных проблем? Здесь складывающаяся картина кажется весьма неоднозначной.

С одной стороны, наличие общих проблем традиционно считалось и считается стимулом для консолидации международного сообщества, поскольку очевидна императивность кооперативного взаимодействия в таких областях, где невозможно добиться значимых результатов, действуя поодиночке. Да и на практике здесь происходит расшире-

ние поля международного сотрудничества. Перечень ключевых слов, которыми обозначают сферы его развития, постоянно растет: экология, климат, здоровье людей, миграция, новые технологии — но также терроризм, коррупция, другие формы транснациональной криминальной активности...

Оптимисты убеждены: стимулы к сотрудничеству оказываются столь мощными, что скоро даже позволят преодолеть обрушение отношений между Россией и Западом или, по крайней мере, как-то микшировать его. Но скептики имеют основания и для пессимистических оценок и прогнозов.

Глобальные проблемы и общие для всех вызовы не только подталкивают государства к сотрудничеству, но и создают между ними новые противоречия. Например, могут усугублять фактическое неравенство по технологическим возможностям (поскольку лидеры будут всегда стремиться подстроить совместные решения под свои интересы и отнюдь не настроены альтруистически делиться достижениями с отстающими). Или неодинаково у разных стран соотноситься с их другими приоритетами (как это сейчас происходит в области кибербезопасности). А имеющийся уже немалый опыт обращения к таким проблемам, хотя и безусловно позитивен, все же не свидетельствует о качественном прорыве в смысле воздействия на международную систему. Например, проблематика борьбы с международным терроризмом — вопреки ожиданиям — так и не стала могучим драйвером для совместных действий.

Самое же главное — ориентация на решение таких проблем совместными усилиями исходит из модели глобализирующегося мира, наличия общих ценностей и разделяемых всеми интересов. Между тем сейчас набирает силу противоположный тренд, когда во главу угла ставятся исключительно собственные озабоченности. И это — третий из рассматриваемых здесь вызовов для международной системы.

Определим это как феномен суверенного партикуляризма. Речь идет о представлениях и политических императивах, исходящих из абсолютной ценности суверенитета и столь же абсолютного превалирования национальных (страновых) интересов.

Сегодня такой тип мышления и такая линия в практическом плане многим кажутся правомерными и естественными. А как еще трактовать задачи внешней политики, цели экономического развития, условия обеспечения безопасности — если не через безусловную приоритетность собственных интересов? Есть немало стран, в которых обнаруживается этот крен. Его сохранение и тем более усиление могут сказаться на ментальности по отношению к внешнему миру. Ставя партикулярные мотивы на первое место и отодвигая на задний

план те, которые выходят за рамки национально-государственного прагматизма, соотносятся с проблемами социума в широком смысле слова или носят солидаристский характер.

К аргументам из арсенала “национального эгоизма” можно довольно успешно апеллировать в пропагандистской борьбе, поскольку они не требуют сложного обоснования и относительно легко получают поддержку внутри страны. Отсюда — привлекательные возможности эффективной легитимизации соответствующей политики. К тому же ее легко оправдывать, апеллируя к суверенитету (“делаем то, что считаем нужным, руководствуясь национальными интересами и противостоя любым внешним давлениям”).

Последствия для международной системы очевидны. В результате будет возникать все больше предпосылок для международной конфликтности, более трудным окажется поиск взаимоприемлемых компромиссных развязок, а сама система станет подвергаться опасным испытаниям на устойчивость.

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ТЕМЫ: МЕНЯЮЩИЕСЯ АКЦЕНТЫ

В рамках сегодняшнего и завтрашнего миропорядка в повестке дня остаются все те вопросы, которыми приходилось заниматься вчера и позавчера. Но стоит обратить внимание на некоторые новые акценты, которые уже появились в политическом дискурсе и, вполне вероятно, должны будут стать объектом повышенного внимания. Не исключено, что именно здесь могут выявиться некоторые принципиальные параметры, корректирующие мировой порядок.

(i) Примечательной новеллой становится более широкая трактовка безопасности и всего, что с ней связано по всему спектру возникающих здесь проблем — касательно угроз и вызовов безопасности, условий ее обеспечения, используемых методов, средств и инструментов, параметров возможного взаимодействия с внешними контрагентами и т.п. Безопасность — более разноплановое и многомерное явление, нежели чисто военный феномен; к ней причисляют теперь положение дел во многих сферах общественной жизни, которые раньше были за пределами данной тематики.

Это — весьма противоречивая тенденция. С одной стороны — более адекватно отражающая реалии жизни, а с другой — размывающая специфику самого понятия “безопасность”, коь скоро к ней можно отнести любую проблему. Девальвируются критерии безопасности, возможности ее адекватной оценки, которая может приобрести конъюн-

ктурный характер, исходя из ситуативно нагнетаемого алармизма.

Такой подход, казалось бы, должен быть антитезой традиционного военно-силового мышления — а на деле они нередко идут рука об руку. На этой почве возвращаются к жизни и старые алгоритмы — типа того, которым описывается классический парадокс безопасности, когда в заботе о ней применительно к себе фактически создают стимулы для активизации военно-силовых приготовлений оппонента. Результатом может стать феномен самооправдывающегося пророчества, что и наблюдается, в частности, в контексте возобновившейся конфронтации по линии Россия–НАТО.

Опасно, если это будет становиться нормой. Здесь как раз тот случай, когда участникам международной жизни важно добиться перелома в развитии данной тенденции — безотносительно к тому, как ее трактовать (как порождение нового миропорядка или наследие старого).

(ii) Большую тревогу вызывает критическая ситуация в области ядерных вооружений [18]. Возрождаются по полному спектру все те озабоченности, которые казались преодоленными на протяжении нескольких последних десятилетий. Возникает угроза, что будет перечеркнут весь наработанный опыт соответствующих обсуждений политиками, экспертами и официальными переговорщиками, когда готовились и заключались официальные соглашения, осуществлялась интенсивная деятельность по их верификации. Происходит публичная легитимация как политического использования ядерного оружия, так и его военного применения — что уже на протяжении десятилетий было если не табуированной, то неполиткорректной темой.

Для международных отношений здесь просматриваются крайне серьезные последствия. Во-первых, через возникновение на этой почве императивов для военного строительства и раскручивания новых циклов гонки вооружений. Во-вторых, через угрозу опасного балансирования на грани войны в сфере, чреватой быстрой эскалацией военного столкновения с катастрофическими последствиями. В-третьих, в связи с высокой вероятностью краха режима нераспространения ядерного оружия и перспективой его обретения новыми государствами, а также возрастанием опасности ядерного терроризма.

Вызов, возникающий в этой связи перед международно-политической системой, поистине драматичен. Либо остановить указанные изменения (что может оказаться нереализуемым) — либо сосредоточить внимание на возрождении контроля над ядерными вооружениями в будущем (желательно, не слишком отдаленном; возможно, с нулевого

уровня, с иной конфигурацией участников и на основе скорректированных ориентиров и принципов). Обнадешивающее обстоятельство — то, что по этому пути участники международной жизни однажды уже прошли.

Новый миропорядок может сформироваться и без контроля над вооружениями. Однако в этом случае его эффективность (по крайней мере в сфере обеспечения международной безопасности) будет крайне проблематичной.

(iii) Весьма четко прослеживаемый тренд в современном международном развитии — ослабление самоограничителей (формальных и политических) касательно трансграничного применения силы. Здесь, впрочем, тоже не надо сгущать краски — вряд ли есть основания полагать, что “право сильного” становится безусловно господствующим алгоритмом и что чуть ли не все, всегда и везде готовы к применению силы ради достижения своих целей на международной арене. Роль достаточно значимого регулятора на этот счет по-прежнему играет международное право (хотя не всегда и зачастую с виртуозной гибкостью в его интерпретации). Есть и сдерживающие факторы иного порядка — например, материальные или обусловленные опасением нежелательных репутационных последствий.

И все же примеры силового вмешательства во внешние ситуации продолжают множиться. Их было немало и в прошлом, но сегодня возникает опасность своего рода “банализации” трансграничного применения силы, когда таковое будет не столько чем-то чрезвычайным (или, по крайней мере, нарушающим нормальный ход событий), как сейчас, сколько рутинной практикой, к которой все привыкли и принимают ее если не как должное, то как неизбежное. Даже Москва в ходе бурных пертурбаций последнего десятилетия в какой-то степени отошла от максимально ограничительного подхода на этот счет, которого она традиционно придерживалась в своей декларативной политике (никакого применения силы вовне кроме как в целях самообороны, по приглашению официальных властей или с санкции Совета Безопасности ООН).

Алармистская интерпретация тенденции к более активному трансграничному применению силы предполагает, что таковое может стать даже более широким по территориальному ареалу. При этом на задний план отойдут дискуссии о его правомерности — проблему будут скорее видеть в том, чтобы получить максимальный результат, добиться этого в кратчайшие сроки и обеспечить минимизацию политических издержек (как внутренних, так и внешних).

Какими последствиями чревато такое развитие? Действия любой страны в этом ключе могут иметь следствием более “легковесное” принятие

соответствующих решений в будущем. Отметим, что пальма первенства здесь отнюдь не за Россией, но если в связи с Косово и Ираком она противодействовала этому процессу, то с вовлечением в Сирию оказалась в мейнстриме. Еще одно следствие состоит в том, что международно-правовые инструменты в ситуациях трансграничного применения силы сбиваются все чаще и девальвируются, уступая место политико-пропагандистским. Можно проследить связь и с переоценкой представленной об относительном уменьшении роли военной силы, которые были популярными в контексте преодоления холодной войны.

Наконец, все более размытым становится разграничение между “силовым” и “несиловым” воздействием трансграничного характера. Возникшее в этой связи понятие “гибридная война” фокусирует в себе как опасения касательно внешних угроз, так и потенциал воздействия на других. И то, и другое становится комплексным феноменом, который может включать в себя все — от прямолинейной и “черной” пропаганды до подкупа политиков, от кибератак до действий по дестабилизации финансовой системы, от организации сепаратистских движений до акций спецназа и т.п.

Строго говоря, и здесь мы отнюдь не сталкиваемся с чем-то принципиально новым. Из истории (и даже по библейским текстам) хорошо известны многочисленные примеры на этот счет — “гибридные войны” встречались достаточно часто, хотя понятия такого не было.

Но некоторые обстоятельства, связанные с этим феноменом, можно, вероятно, считать новыми. Они проявились в последние 10–15 лет. Во-первых, в беспрецедентно широких масштабах было протестировано использование соответствующих “технологий” (что распахивает им дверь в будущее). Во-вторых, выявились колоссальные возможности пропагандистских и политических манипуляций в этой области, которые оказались на порядок более высокими, чем можно было предположить. В-третьих, возникло поразительное явление апологии “гибридных войн”, — когда их начинают считать более результативными (или более опасными — в зависимости от угла зрения) в сравнении с традиционными методами.

(iv) Еще одна старая как мир проблема, которая вырисовывается на палитре существующего (или формирующегося) миропорядка, касается странового статуса территорий. Сюда относятся такие темы, как изменение границ, сецессия, ирредентизм и т.п. Они никогда не были простыми, но могут обрести новую (и опасную) динамику под влиянием быстрых и глубоких перемен, происходящих на смену вековому империализму. Особенно там, где возникает всплеск социально-политической активности,

включая поиск идентичности по этническим, конфессиональным, культурно-историческим, государственно-страновым и иным маркерам.

Противоречия в связи с границами и страновой принадлежностью территорий всегда были одним из главных источников конфликтов и войн. На протяжении большей части человеческой истории указанные проблемы решались именно таким образом. Но постепенно международное сообщество накапливало и некоторый опыт в том, что касается попыток несилового разрешения подобного рода коллизий.

Этот опыт свидетельствует об исключительной сложности такой задачи. Но он же генерирует понимание, что нельзя действовать с наскока и второпях (или же потом за это придется всерьез расплачиваться). Существует огромная история вопроса; наработаны самые разнообразные подходы (в том числе на весьма высоком профессиональном уровне по линии ОБСЕ). Востребованность этого потенциала объективно важна для минимизации конфликтного алгоритма при решении указанных проблем.

Россия решила вопрос с Крымом быстро и на первый взгляд исключительно эффективно. То, что она не даст “задний ход” в отношении этой ситуации, очевидно. Как и то, что вряд ли найдутся желающие протестировать Россию на прочность в крымском вопросе. Так что если международно-правовая сторона дела, по всей видимости, еще долго останется неурегулированной, то ее геополитическая компонента выглядит достаточно стабильной.

Но вместе с тем далеко не очевидно, какие выводы можно было бы сделать из указанного прецедента применительно к международной системе. Открывает ли это путь к осуществлению такого же сценария в других местах и другими действующими лицами? Всегда ли надо (и можно) исходить из безусловного превалирования принципа самоопределения (народного волеизъявления) над лю-

быми другими императивами? Какие политические соглашения и договоренности могут при этом соблюдаться или игнорироваться? Насколько важным можно считать фактор внешних гарантий или его отсутствие? Насколько вообще перспективно “собрание земель” по принципам этнической общности или политической самоидентификации населения? Насколько велика роль временной спрессованности изменений (фактор “быстрой силы”)? Насколько обосновано (целесообразно) прямое применение силы или ее проецирование с помощью “гибридных технологий”?

Такого рода факторы, определяющие поведение государств в подобных кризисных ситуациях, специфичны и ситуативны. Но они могут оказаться релевантными в зонах международной турбулентности (например, в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке) — даже несмотря на убедительно продемонстрированные весьма высокие политические, репутационные и иные издержки односторонних действий, содержащих значимую силовую составляющую.

* * *

Споры о том, хорош или плох существующий миропорядок и возможны ли альтернативные его варианты, в наше бурное, насыщенное переменами время, вероятно, неизбежны. В них, как представляется, важно иметь в фокусе аналитического внимания три ключевых характеристики миропорядка: его устойчивость, эффективность и зрелость. Залог устойчивости любого миропорядка — в его успешном функционировании. Важнейший показатель эффективности — способность адекватно отвечать на вызовы, возникающие в процессе международно-политического развития. А признак зрелости — умение участников минимизировать те проблемы, которые разрешить не удастся, удерживать себя от панических настроений на этой почве и нацеливаться на конструктивное взаимодействие для поддержания международной стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Munich Security Report 2019. The Great Puzzle: Who Will Pick Up the Pieces?* Munich Security Conference, 2019 Available at: <https://www.securityconference.de/en/publications/munich-security-report/munich-security-report-2019/> (accessed 27.02.2019).
2. Nye Jr., Joseph S. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. *Foreign Affairs*, 2017, vol. 96, no. 1, pp. 10-16.
3. *Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, Mitschrift Pressekonferenz*. Die Bundesregierung, 20 July 2018. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenzen/sommerpressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-1516654> (accessed 24.01.2019).
4. *Speech by Foreign Minister Heiko Maas: “Courage to Stand Up for Europe” – #EuropeUnite*. Federal Foreign Office, 13.06.2018. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/maas-europeunited/2106528> (accessed 20.02.2019).
5. *United Nations General Assembly: Speech by President Emmanuel Macron (25 September 2018)*. France Diplomatie. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/united-nations/events/united-nations-general-assembly-sessions/unga-s-73rd-session/article/united-nations-general-assembly-speech-by-president-emmanuel-macron-25-09-18> (accessed 20.02.2019).

6. Лукьянов Ф.А. Блеск и нищета альянса. Как атлантизм выиграл холодную войну и сделал ее вечной. *Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России*. Лукин А.В., ред. Москва, Международные отношения, 2018, сс. 69-91. [Lukyanov F.A. Blesk i nishcheta al'yansa. Kak atlantizm vyigral kholodnuyu voynu i sdelaal ee vechnoi [The Way the Atlanticism Has Won the Cold War and Made It Eternal]. *Novye mezhdunarodnye otosheniya: osnovnye tendentsii i vyzovy dlya Rossii* [New International Relations: Main Tendencies and Challenges for Russia]. Lukin A.V., ed. Moscow, Mezhdunarodnye otosheniya, 2018, pp. 69-91.]
7. Арбатов А.Г. Крушение миропорядка? *Россия в глобальной политике*, 2014, № 4. [Arbatov A.G. Krushenie miroporiyadka [Collapse of the World Order?]. *Russia in Global Affairs*, 2014, no. 4.] Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporiyadka-19205> (accessed 20.02.2019).
8. Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы. *Полис. Политические исследования*, 2018, № 6, сс. 32-46. [Nikitin A.I. Sovremennyi miroporiyadok: ego krizis i perspektivy [Contemporary World Order: Its Crisis and perspectives]. *Polis. Political Studies*, 2018, no. 6, pp. 32-46.] DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.03>
9. Ознобищев С.К. “Новая холодная война”: воспоминания о будущем. *Полис. Политические исследования*, 2016, № 1, сс. 60-73 [Oznobishchev S.K. “Novaya kholodnaya voina”: vospominaniya o budushchem [“New Cold War”: Memories of the Future]. *Polis. Political Studies*, 2016, no. 1, pp. 60-73.]
10. Лукин А.В. Постбиполярный мир: рождение нового миропорядка или погружение в хаос? *Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России*. Лукин А.В., ред. Москва, Международные отношения, 2018, сс. 30-51. [Lukin A.V. Postbipolyarnyi mir: rozhdenie novogo miroporiyadka ili pogruzhenie v khaos? [Post-Bipolar World: the Birth of a New World Order or Dive into Chaos?] *Novye mezhdunarodnye otosheniya: osnovnye tendentsii i vyzovy dlya Rossii* [New International Relations: Main Tendencies and Challenges for Russia]. Lukin A.V., ed. Moscow, Mezhdunarodnye otosheniya, 2018, pp. 30-51].
11. Bull H. 1977. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. New York, Columbia University Press. 335 p.
12. Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку. *Полис. Политические исследования*, 2018, № 6, сс. 47-66. [Pantin V.I., Lapkin V.V. Transformatsii politicheskikh prostranstv v usloviyakh perekhoda k politsentrichnomu miroporiyadku [Transformations of Political Spaces in the Context of Transition to Polycentric World Order]. *Polis. Political Studies*, 2018, no. 6, pp. 47-66]. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.04>
13. Zakaria F. *The post-American world*. New York, London, W.W. Norton & Company, 2008. 292 p.
14. Haas R.N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs*, 2008, May/June. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity> (accessed 15.03.2017).
15. Барановский В. Новая внешняя политика России: влияние на международную систему. *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, т. 60, № 7, сс. 5-15. [Baranovsky V. Novaya vneshnyaya politika Rossii: vliyanie na mezhdunarodnuyu sistemu [New Foreign Policy of Rissia: Influence on the International System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otosheniya*, 2016, vol. 60, no. 7, pp. 5-15.] DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-7-5-15
16. Барановский В., Наумкин В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 3, сс. 5-19. [Baranovsky V., Naumkin V. Blizhnii Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: klyuchevye trendy stoletnego razvitiya [The Middle East in a Changing Global Context: Key Trends of the Centenary Development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otosheniya*, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 5-19.] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19
17. На пути к стабильным отношениям России–НАТО. Доклад № 44/2019. *Российский совет по международным делам (РСМД), Европейское сообщество лидеров за многостороннее ядерное разоружение и нераспространение* [On the Way to Stable Russia-NATO Relations. Rport no. 44/2019. *Russian International Affairs Council (RIAC), European Leadership Network (ELN)* (In Russ.)] Available at: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-NATO-Report44-Ru.pdf> (accessed 20.02.2019).
18. Арбатов А. Контроль над ядерным оружием: конец истории? *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, т. 59, № 5, сс. 5-18. [Arbatov A. Kontrol' nad yadernym oruzhiem: konets istorii [Nuclear Arms Control: the End of History?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otosheniya*, 2015, vol. 59, no. 5, pp. 5-18.]

**NEW INTERNATIONAL ORDER:
OVERCOMING OR TRANSFORMING THE EXISTING PATTERN?**

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 5, pp. 7-23)

Received 28.02.2019.

Vladimir G. BARANOVSKY (vladimir.baranovskiy@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article questions the thesis about the crisis and even the collapse of the existing world order, which has become an important element of the current international discourse. Challenges similar to the recent ones had also appeared in the past; nowadays it is expedient to analyse those that do create dangerous new tensions and whether they could be minimized and absorbed within the existing international order. The current views on the configuration of the latter tend to treat it within the spectrum extending from the lamentation on total chaos and up to the praise of polycentrism.

Polycentric system has a volatile hierarchy being a subject of increasing competition in all spheres – economy, science and technology, culture and ideology, military and politics. However, there are no reasons to anticipate cardinal restructuring of the existing international institutional pattern (although eventual corrections therein are possible). The ongoing rebalancing of various existing centres operating in the international arena reflects their ability to influence other actors and the international system as such. The most serious changes (although with different vectors) concern China, the USA, the West as a whole, India, Russia, as well as a number of states on regional levels. Their international rating does not follow the same pattern once and forever – which creates a certain potential for instability but also provides the system with additional flexibility. Among the key dividing lines within the system are those between the USA and China, as well as between Russia and the West. The system's major intrigue appears in the centre-periphery relationship (in its broad interpretation). Of key importance will be challenges emerging at the crossroad of the international system and nation-state pattern (the involvement into domestic affairs, global problems, sovereign particularism). New emphases take place in the treatment of certain traditional themes – such as security, use of force, the status of borders and territories.

Keywords: world order, international system, bipolarity, polycentrism, balance of forces, international hierarchy, dividing lines in the international arena, international institutions, international actors.

About author:

Vladimir G. BARANOVSKY, Academician of RAN, Doctor of History.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23